

**АНАТОЛИЙ
ЛУКЬЯНОВ**

АВГУСТ

Начато " 19 г.
Окончено " 19 г.
91-го

В _____ томах

**А БЫЛ ЛИ
ЗАГОВОР?**

Анатолий Иванович Лукьянов

Август 91-го. А был ли заговор?

Серия «Суд истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111103

Август 91-го. Был ли заговор? : Алгоритм, Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-42090-2

Аннотация

Анатолий Иванович Лукьянов в 1990–1991 гг. был председателем Верховного Совета СССР. Привлекался к уголовной ответственности по делу «Об августовском путче 1991 года». В состав ГКЧП Лукьянов не входил, однако, по мнению многих, был одним из инициаторов событий августа 1991 года. С 29 августа 1991 г. по декабрь 1992 г. находился в следственном изоляторе «Матросская тишина», после чего он был освобожден под подписку о невыезде. 23 февраля 1994 г. постановлением Государственной Думы была объявлена амнистия для всех участников путча, и уголовное дело было закрыто. В своей книге А. И. Лукьянов решил рассказать обо всех обстоятельствах так называемого заговора ГКЧП. Как показывает А. Лукьянов, никакого заговора в действительности не было или, вернее, был другой заговор – тех, кто желал разрушения СССР и ликвидации советского строя в нашей стране.

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Лукьянов

Август 91-го. А был ли заговор?

Вместо предисловия

Я родился и вырос в одном из самых древних русских городов на стыке России, Белоруссии и Украины – Смоленске. Этот город, стоявший на пути к Москве против многих чужеземных завоевателей, неоднократно сгорал дотла, а потом воскресал из пепла и разорения. Смоленщина, пожалуй, одна из самых многострадальных частей России.

Мое детство кончилось 28 июня 1941 года, когда от прямого попадания бомбы сгорел дотла наш дом, стоявший на самом берегу Днепра... Тогда же, в июле, я последний раз увидел отца: он приехал с фронта повидаться с нами. Капитан инженерно-саперных войск...

Хорошо помню, как с бабушкой, младшим и двоюродным братьями добирались из Смоленска через Сухиничи и Козельск до Калуги... Дорогу простреливали фашистские самолеты. Еще воспоминание: страшный голод в эвакуации. Заглушить его можно было только махрой. Это уже в Балашове, в Саратовской области. Там я пошел на военный завод, который восстанавливал поврежденное оружие, поступавшее с фронта. Разборка, выправление того, что можно исправить, чистка – все это делали мы, мальчишки. Нам доверяли. Хотя многие из нас подставляли ящики, чтобы достать до суппорта станка.

Потом уже, много лет спустя, во время одной из команди-

ровок мне показалось, будто увидел именно свой станок. И вдруг захотелось к нему подойти. Было неловко: а что как не сумею, не вспомню? Но руки легли на металл, и все получилось, руки помнили. Школу закончил в Смоленске с золотой медалью.

Потом был юридический факультет МГУ. В те годы он оставался центром большой науки и высочайшей школой знаний для тысяч детей войны. Здесь преподавали академики Несмеянов и Зелинский, Шмидт и Тарле. На юридическом факультете читали лекции многие из дореволюционной школы: историки Юшков и Галанза, такие виднейшие специалисты по гражданскому, международному и уголовному праву, как Новицкий и Дурденевский, Трайнин и Меньшагин, блестящий знаток политических и правовых учений Кечекьян. Скажу прямо, я с огромным интересом поглощал идущий от них поток знаний, учился той удивительной увлеченности, с какой они относились к научным исследованиям.

Но это была только часть того, что давал университет. В наше университетское общежитие на Стромынке, 32 в первые послевоенные годы часто приезжали известные литераторы, композиторы, артисты. Мы их, конечно, боготворили. Но, думаю, и им было интересно с нами! Тогда я увиделся, был очарован Михаилом Светловым, молодым Юрием Трифоновым, Николаем Тихоновым, Ярославом Смеляковым, Константином Симоновым. Слушал Рихтера и Ги-

лельса, Михайлова и Максакову, Яхонтова и Качаряна. Соприкосновение с этими людьми оставило след на всю жизнь.

Для недавних фронтовиков и для нас, приезжих, многое в столице было внове. И ребята-москвичи часто над нами подшучивали: то-то мы не читали, то-то не видели, о том-то не знаем. Наверное, это и стало стимулом: ночи напролет мог читать Флобера, Джека Лондона, Канта... А еще ночами приходилось грузить на вокзалах уголь, дрова, овощи. Стипендия-то была – 290 рублей, как говорится, на старые деньги. Грузили, зато на завтра шли в консерваторию или во МХАТ на галерку.

В 1953 году закончил университет, а в 1956 году – аспирантуру по кафедре теории государства и права.

После аспирантуры я был направлен на работу в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. Здесь занимался главным образом сравнительным правоведением, был экспертом при заключении первых договоров о правовой помощи с зарубежными странами, прежде всего с государствами Варшавского Договора.

В 1961 году меня перевели из правительственного аппарата в Верховный Совет СССР. Тут предстояла большая работа по обновлению законодательства и подготовке проекта новой Конституции страны. В связи с этим пришлось основательно изучать документы по истории становления и развития нашего конституционного строя, в том числе материалы из личного архива Сталина. Работая в отделе по вопросам

работы Советов, секретарем парткома аппарата Президиума Верховного Совета СССР, часто выезжал на места, побывал практически во всех союзных республиках. Защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию.

Тема диссертации: «История и теория законодательства о советских представительных органах». Исследовал закономерности развития органов государственной власти, законодательства об их функциях. В диссертации есть глава – по вопросам сравнительного права, западного и нашего. Начал заниматься этими вопросами еще в 1956 году, когда меня взяли в правительственный аппарат. Продолжал анализировать, сравнивать зарубежные и наши правовые институты. Так постепенно профессиональная работа начала сливаться с политической. Тяга к науке осталась, и, честно говоря, в моменты разочарования, а они, по-моему, бывают у каждого думающего человека, мечтал снова заняться наукой.

В 1976–1977 годах участвовал в подготовке проекта союзной Конституции, работая в аппарате ЦК КПСС. Затем снова вернулся на работу в парламент, где до 1983 года был начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1983 года по предложению Ю. В. Андропова был переведен на работу в ЦК КПСС. Там был сначала первым заместителем заведующего, а потом заведующим Общим отделом, обслуживающим непосредственно Политбюро и Секретариат Центрального Комитета партии. Дальнейшие мои

назначения состоялись уже в эпоху перестройки.

Часть 1. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР

О заседаниях Политбюро в ночь с 10 на 11 марта 1985 года и на следующий день написано уже немало. Когда-нибудь и я расскажу о них подробнее...

В ту бессонную ночь была подготовлена речь М. С. Горбачева на Пленуме ЦК, который открылся на следующий день выступлением А. А. Громыко, внесшего предложение о новом Генеральном секретаре Центрального Комитета. Избрание на этот пост М. С. Горбачева было подготовлено всем ходом событий, многочисленными встречами и беседами Е. К. Лигачева и других членов Политбюро с местным партийным активом, с членами Центрального Комитета. Скажем прямо, поддержка была достаточно внушительная. Уж очень надоели людям дряхлые старцы во главе страны, догматизм, неэффективность управления, экономический и политический застой.

Теперь нужна была программа практических действий, четкие ориентиры развития общества. В этом ключе шла подготовка к апрельскому (1985 г.) Пленуму Центрального Комитета. Материалы к нему готовились в пригороде Москвы Волынском – рядом с бывшей ближней дачей И. В. Сталина. День и ночь шли горячие споры, высказывались пря-

мо противоположные точки зрения. Но уже тогда наметились сначала не очень ощутимые, а потом все более заметные трещины в нашей тогда еще более или менее единой команде. Там, в частности, уже в те апрельские ночи 1985 года у нас были споры с А. Н. Яковлевым и о частной собственности на землю, и о введении многопартийности, и об отношении к странам Восточной Европы. В одном из своих интервью «Литературной газете» в 1991 году Яковлев признал, что еще весной в 1985 году он предлагал ввести в Советском Союзе двухпартийную систему.

На апрельском Пленуме был провозглашен курс на усиление научно-технического прогресса, на развитие активности в различных областях общественной жизни. Нужно было обновлять кадры партии, налаживать новый ритм, новые методы партийной работы. 14 мая 1985 года Политбюро утвердило меня заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Теперь мне было суждено постоянно быть в курсе важнейших событий, которые были связаны с работой Политбюро. Народное хозяйство, снабжение населения, основные узлы международных отношений – все это находилось в то время в поле зрения Политбюро и Секретариата ЦК. Конечно, были среди их решений того времени немало поспешных, недостаточно продуманных документов, – таких, как решение о ведении выборности директоров предприятий, о нечем не регламентированном развитии кооперации, об антиалкогольной компании, – но было и немало точных, выверенных шагов, осо-

бенно в сфере усиления информированности людей и организации партийной работы на местах.

Много сил потребовали подготовка и проведение в конце февраля – начале марта 1986 года XXVII съезда партии. Принятые на нем документы, резолюции по вопросам партийного и государственного строительства, гласности, укрепления законности и правопорядка – должны были прежде всего служить ускорению развития общества. На XXVII съезде партии я был избран членом Центрального Комитета КПСС, того Центрального Комитета, политика которого уместилась в одно трудное, многозначное и спорное слово – перестройка.

То, что вмещало в себя это понятие и что оно принесло нашему народу, видимо, еще не раз будет оцениваться историками, да и я отношусь к нему критически и пристрастно. Ясно, что это был перелом, перелом крутой, не всегда продуманный и последовательный, в чем-то оптимистический и в то же время глубоко трагический для миллионов людей. Дело в том, что расковать потенциальные силы общества, освободить их – это еще не все. Главное состояло в том, на что, на разрушение или созидание, будет использован этот потенциал, насколько шаги по разрушению старого будут согласовываться с созданием новых форм жизни, удастся ли удержать эти процессы в нормальном русле, обойтись без острых столкновений и конфронтации.

Трагедия была в том, что удержать разрушительные про-

цессы все-таки не удалось. Все, как говорят на Руси, пошло комом, а потом покатилося под откос. Задачи наращивания научно-технического прогресса довольно быстро были заменены общей задачей «ускорения», затем внедрением рыночных отношений. Вскоре вперед вырвалась политическая реформа, в ходе которой разрушительные политические процессы обернулись дезинтеграцией экономической жизни, межнациональными конфликтами, войной суверенитетов и законов, разрушением Союза ССР. Но все это было еще впереди.

* * *

На мою же долю после XXVII съезда партии выпала как раз та часть этих трудных процессов, которая была связана с политической и правовой реформой. 28 января 1987 года Пленум ЦК КПСС избрал меня секретарем Центрального Комитета, в ноябре 1987 года к этому прибавилось заведование Отделом административных органов ЦК КПСС. Скажу прямо, что почти два года пребывания на этих постах позволили основательно вникнуть во все сферы работы наших правоохранительных органов, армии, милиции, разведки. Немало пришлось решать возникавших тогда проблем – и кадровых, и законодательных, и организационных. Описание их заняло бы много страниц. Отмечу только, что ничего не прошло тогда мимо меня – ни реабилитации жертв 1936–

1937 годов, ни чернобыльская катастрофа, ни смена военного руководства страны после посадки Руста на Красной площади, ни трудные решения по выводу наших войск из Афганистана, ни проблемы разоружения. Не минул меня и разгоревшийся пожар межнациональных конфликтов, когда в январе 1988 года вместе с В. И. Долгих пришлось выехать в Армению, где бушевали страсти в связи с событиями в Нагорном Карабахе и Сумгаите.

Работа секретарем ЦК фактически ввела меня в большую политику. Еще острее пришлось ощутить, насколько сложное это дело – политическая, государственная деятельность. Недаром английский лорд Галифакс говорил, что «государственная деятельность – бессердечное ремесло. Тому, кто от природы добр, здесь делать нечего». Боюсь, что это сказано и обо мне.

Трудные решения не даются без борьбы. Сентябрьский (1988 года) Пленум Центрального Комитета освободил в связи с переходом на пенсию большую группу ветеранов – членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Всего более ста человек. Был ли этот шаг оправдан, мне трудно сказать. Думаю, что нет. Но в том составе, который тогда был, Политбюро в полную силу работать не могло. Взаимопонимания не было...

Решением Пленума 30 сентября 1988 года я был избран кандидатом в члены Политбюро и рекомендован на работу в Верховный Совет СССР. 1 октября 1988 года Председателем

Президиума Верховного Совета был избран М. С. Горбачев. Меня избрали его первым заместителем.

Так судьба снова привела меня в парламент страны, с которым была связана четверть века, а теперь уже и 50 лет моей работы. Но тогда это были последние месяцы деятельности Верховного Совета СССР. Ему предстояло внести существенные изменения в Конституцию СССР и обеспечить проведение выборов на совершенно новой, альтернативной основе. В соответствии с принятым тогда законом предстояло избрать более двух тысяч народных депутатов СССР от территориальных и национально-территориальных округов, а также от общественных организаций. Вот эта задача и стала моим главным делом того периода. Здесь все было ново. Вопросы этой радикальной политической реформы пришлось многократно докладывать на заседаниях Политбюро и в парламенте, на многочисленных встречах с партийным и советским активом.

Выборы, которые прошли весной 1989 года, стали действительно поворотным моментом в развитии нашей государственности. Встречи с возникшей тогда «московской», а затем «межрегиональной» депутатской группой показали: впервые за послеоктябрьский период родилась легальная оппозиция, требующая совершенно новых форм работы парламента. Беседы с академиком А. Д. Сахаровым, депутатами Поповым, Афанасьевым, Станкевичем, Кузьминым и другими представителями «новой волны» были трудными

и жесткими. Начинался период, когда появлялась возможность пробудить наш спящий депутатский корпус и в полной мере осуществить старый лозунг «Вся власть Советам!»

Открывшийся в мае 1989 года первый съезд народных депутатов СССР подтвердил этот прогноз. Стенограмма съезда, за которым следила у телевизоров вся страна, дает представление о том, как труден был этот шаг политической реформы. Комментарии ученых, государствоведов и социологов даются сегодня самые разные.

Съезд тайным голосованием избрал М. С. Горбачева Председателем, а меня – первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР – нового постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти страны. Работа в нем шла достаточно интенсивно. Постепенно выкристаллизовался обширный план законодательных работ, формировались отношения с правительством, начался складываться парламентский коллектив, способный решать стоящие перед ним трудные задачи.

Когда весной 1990 года М. С. Горбачев стал Президентом страны, третий съезд народных депутатов избрал меня Председателем Верховного Совета СССР. Эти выборы, проходившие 15 марта 1990 года, были проведены на альтернативной основе из восьми кандидатур и завершились уже в нервом туре.

Естественно, что загрузка большой государственной работой, причем работой с депутатами различной политиче-

ской ориентации, поставила передо мной вопрос о возможности оставаться в составе руководящих партийных органов. Поэтому, когда в июле 1990 года XXVIII съездом КПСС я был снова избран членом Центрального Комитета партии, мы с Н. И. Рыжковым поставили перед первым, после съезда, Пленумом ЦК вопрос о нецелесообразности избирать нас в состав Политбюро. Пленум поддержал это мнение. Изменение статьи 6 Конституции СССР о новой роли Коммунистической партии с необходимостью предопределило этот наш шаг.

* * *

Конечно, судьба каждого человека, соприкасающегося с решением вопросов большой политики, не может и не должна рассматриваться изолированно от того, что в целом происходило в нашей стране в середине девяностых годов, как складывались тогда отношения в руководстве партии и государства. Ведь, так или иначе, каждый из нас, если он мало-мальски честно и критически относится к себе, обязан разделить ответственность и за просчеты, и за ошибки, и за провалы того курса, который проводился и назывался «перестройкой».

И здесь речь пойдет, прежде всего, о партии, нашей Коммунистической партии, которая была стержнем советской общественной системы. Сейчас, пусть очень схема-

тично, можно сказать, что в работе партии, Политбюро, ее Центрального Комитета после апреля 1985 года было как бы три периода.

Первый период я назвал бы периодом надежд. Он был связан с общим энтузиазмом, доверием, которое вызывала тогда политика Горбачева и его окружения. Ему верили, его защищали, ему симпатизировали. Политбюро того времени действовало напряженно, заседала иногда по восемь – десять часов в неделю и решая самый широкий круг острейших проблем. Руководство партии работало достаточно коллегиально, без особых обид воспринимая критику, прислушиваясь к голосу каждого. «Старики», как правило, не давили на «молодых» своим авторитетом. Горбачев, в отличие от Брежнева и Черненко, старался не выступать первым, взвешивал мнения, спорил, присоединялся к наиболее дельным предложениям.

Особенно активные позиции занимал Егор Кузьмич Лигачев, которому было поручено вести заседания Секретариата ЦК. Все более ощутимой становится роль Николая Иванович Рыжкова, особенно в обсуждении и решении крупных хозяйственных вопросов. Политбюро было практически едино в том, что борьба идет за упрочнение социалистических общественных отношений, ускорение научно-технического прогресса, обновление производства, смягчение международной напряженности. В то же время ясного плана реформ тогда, конечно, не было. Было очевидно, что надо покон-

читать с авторитарными методами управления, внедрять гласность, быть ближе к людям, развивать их общественную активность. Этими идеями был проникнут Политический доклад ЦК XXVII съезду партии. Но вместе с тем Политбюро того периода уже не олицетворяло былого «монолитного единства» и ортодоксальности. Все осязаемое становится в нем позиции людей, которые, на словах поддерживая лозунг «Больше социализма», занимали все более антисоциалистические позиции, проповедовали «несомненные преимущества» частного предпринимательства, частной собственности на землю, свободного рынка, капиталистического пути развития. Особое место принадлежало тут А. Н. Яковлеву, ставшему к тому времени заведующим отделом пропаганды ЦК, а затем очень скоро секретарем ЦК, кандидатом в члены и членом Политбюро. К нему все чаще примыкал избранный в июле 1985 года членом Политбюро Э. А. Шеварднадзе. Появление в окружении Горбачева этих будущих его «злых гениев» вызывало недовольство стариков – членов Политбюро, накаляло в нем и без того непростую обстановку.

Горбачеву все труднее становилось маневрировать между этими крыльями своих соратников. Не обладая твердыми позициями, да, скажем прямо, и глубокими познаниями в области экономики и социологии, он прислушивался то к Яковлеву и стоявшим за ним академическим и другим кругам либерального толка, то к ортодоксам, которых защищал активный и напористый Лигачев.

Вывод Б. Н. Ельцина из состава Политбюро в январе 1988 года еще более накалил обстановку. Правда, на ноябрьском (1987 года) Пленуме ЦК и Яковлев, и Шеварднадзе дружно громили Ельцина, о чем они потом старались по возможности не вспоминать. Но борьба между Горбачевым и Ельциным (борьба, скажем прямо, зачастую без всяких правил и приличий) становится с тех пор постоянным фактором жизни наших партийных и государственных верхов.

Однако это было только прелюдией второго периода работы Политбюро, когда напряженность стала повседневным спутником его жизни. Весной 1989 года, когда Горбачев был в зарубежной поездке, с разрешения Лигачева «Советской Россией» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Воспользовавшись этим, Яковлев, Медведев и Шеварднадзе наносят по Лигачеву давно задуманный удар, обвиняя его в поддержке консервативных сил, выступающих против перестройки. Проводится целое партийное расследование, за кулисами которого, несомненно, витала тень самого Генерального секретаря. Главным же режиссером этого политического спектакля был, несомненно, Яковлев. Яростное выяснение отношений состоялось на закрытом заседании Политбюро. Сохранившиеся у меня с того времени записи полны вопросов, как две

капли воды похожих на идеологические экзекуции пятидесятых годов. За этим последовало отстранение Лигачева от руководства заседаниями секретариата ЦК КПСС. Теперь их стал вести послушный и тишайший Медведев, а иногда и сам Яковлев.

Время было сложнейшее. Экономика трещала по швам. Шла подготовка к выборам народных депутатов СССР, которые должны были проводиться как по территориальным округам, так и от общественных организаций. Требовалась максимальная концентрация сил. А ближайшие помощники и соратники все дальше оттаскивали Генерального секретаря ЦК в сторону от повседневных забот, связанных с укреплением социалистических устоев жизни общества. Недаром именно к концу 1989 года относятся откровения Горбачева одному из своих помощников: «Не думай, – говорил он, – что меня может что-то остановить, что есть порог, через который я не могу переступить. Все, что потребуется для самых глубоких преобразований системы, меня не смущает. Я пойду так далеко, как это будет нужно. А если говорить о конечной цели, насколько она может сегодня быть определена, то это – интеграция в мировое сообщество мирным способом. По убеждению я близок к социал-демократии». Теперь-то мы знаем, насколько далеко зашли эти устремления и к чему они привели. Но факт остается фактом. Уже тогда за кулисами Горбачев вел речь о переходе от одного общественного строя к другому, а на публике все еще звучали

его клятвы о «приверженности социалистическому выбору» и «гуманному, демократическому социализму».

Естественно, такое сползание с социалистических позиций не могло получить поддержку у партии. Не было ее в полной мере и в Политбюро. Оно собирается реже и реже. Избранный Председателем Президиума Верховного Совета, а затем Председателем Верховного Совета СССР, Горбачев нее меньше нуждается в советах своих товарищей по партии.

Отсутствие устойчивых позиций в политике, эклектика в мировоззрении бросали Горбачева из одной крайности в другую. Стремясь примирить непримиримое, он мечется, принимает под воздействием то одной, то другой стороны противоречивые, поспешные решения, все дальше отступает от установок Программы партии, принятой XXVII съездом КПСС.

Важнейшие вопросы жизни страны стали все чаще решаться не коллективно, а в узком кругу ближайших советников Горбачева. Его выступления, многократно воспроизводимые по радио и телевидению, становятся вязким повторением одних и тех же прописных истин о «судьбоносности перестройки», о «начавшемся процессе», о «новом мышлении». Под влиянием Яковлева в речах появляются округлые слова о приверженности социалистическому выбору при общем движении к свободному рынку, все более размывается классовый подход к событиям, катастрофически нарастают межнациональные конфликты. Авторитет Горбачева быстро

ползет вниз. Он уже, в общем-то, не очень скрывает свои социал-демократические, а порой откровенно либеральные позиции. Неумение удержать в руках ход политической реформы делало свое дело. Все глубже становилось непонимание между лидером партии и ее Центральным Комитетом.

* * *

С избранием Горбачева в марте 1990 года президентом страны и с внесением в то же время поправки в статью 6 Конституции СССР решение узловых политических вопросов общественной жизни уходит из поля зрения Политбюро ЦК КПСС, как вода в песок. Мы вступили в третий период – период распада, который закончился не только крушением партии, но и самой советской союзной государственности.

Для этого периода характерны резкое ухудшение экономического положения страны, вползание ее в социально-политический кризис, повсеместное ослабление порядка и дисциплины. Теперь партии противостояли реальные оппозиционные силы, которые требовали устранения ее от власти. Грозные межнациональные конфликты в Прибалтике, Закавказье, Молдавии разрывали хозяйственные и политические связи, несли с собой тысячи жертв и сотни тысяч беженцев. Сильнейшим ускорителем этого разрушительного процесса и вместе с тем последнего акта трагедии Горбачева стало принятие первым Съездом народных депутатов

РСФСР Декларации о суверенитете России и избрание Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации.

Объявление всеобщей «суверенизации», приоритета республиканских законов над союзными, изображение центра как некоего имперского монстра поставили Союз ССР на грань распада.

Что требовалось, в этих условиях прежде всего? Требовалось максимальное единство партийных рядов, единство воли членов Центрального Комитета партии, Политбюро. А его не было. XXVIII съезд КПСС, проходивший летом 1990 года, этого единства укрепить не смог. В программном заявлении съезда обосновывается, прежде всего, необходимость движения к рынку и многоукладной экономике, развитие же социалистических общественных отношений отодвигается на второй план. Такой подход, естественно, не устраивал не только значительную часть делегатов съезда, но и очень многих членов вновь избранного Центрального Комитета. Правда на съезде не получили поддержки ни ортодоксы во главе с Лигачевым, ни сторонники социал-демократической ориентации, требовавшие прямой поддержки частного предпринимательства, во главе с Яковлевым.

Утвержденный XXVIII съездом новый Устав партии, и «федеральная» структура Политбюро сразу же обрекли его на малую работоспособность. Достаточно было перелистать протоколы Политбюро и Секретариата ЦК того времени,

чтобы убедиться, что круг решаемых ими вопросов сузился до минимума. Партия становилась бездействующей, в значительной мере обезглавленной организацией. Она была неспособна уже противостоять как праволиберальным тенденциям, так и возможным путчистским устремлениям сторонников «жесткой руки».

* * *

В этом воочию убеждали два последних Пленума ЦК 1991 года. Уже на апрельском Пленуме восьмая часть членов Центрального Комитета выступила против М. С. Горбачева, который вынужден был пригрозить отставкой. Перед июльским Пленумом 32 из 72 секретарей обкомов Российской Федерации поставили вопрос о привлечении Горбачева к ответственности. Этот Пленум принял решение о созыве внеочередного съезда партии в конце 1991 года, на котором смена руководства Центрального Комитета была, на мой взгляд, во многом предрешена.

Ни в малой степени не погрешу против истины, если скажу, что подавляющее большинство членов ЦК КПСС выступало против ослабления социалистических устоев жизни общества и развала Союза СССР, не было согласно с возникновением нового класса предпринимателей, с углублением социального расслоения, массовым обнищанием и безработицей.

И это в полной мере отражало те настроения, которые были характерны для значительной части рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции.

Люди не могли и, уверен, долго не смогут воспринимать всемирно пропагандируемые идеи о том, что собственник, а не труд людей, зарабатывающих себе на жизнь силами своих рук и ума, являются движущей силой общественного прогресса, что ничем не ограниченному рынку, социальному неравенству и безработице «нет никакой альтернативы».

Семьдесят послеоктябрьских лет не прошли даром. В общество глубоко вросли многие социалистические понятия, коллективистская психология, презрение к эксплуататорам и нахлебникам. Да, этот строй нуждался в радикальных изменениях. Да, многоукладность, равноправие различных форм собственности, демократические свободы, политический плюрализм, раскрепощение личности – все это отвечало требованиям времени. Но ведь все должно было находиться в рамках социалистической, а не откровенно прокапиталистической модернизации. Никто не сможет отрицать, что именно эти, а не какие-нибудь другие соображения, преобладали весной и летом 1991 года у большинства членов Центрального Комитета, которые давали острую и нелюбимую оценку действиям своего Генерального секретаря.

В то же время было ясно, что такое несовпадение мнений большинства Центрального Комитета и лидера партии являлось противоестественными. Оно не могло долго про-

должаться. За ним неизбежно следовало бы крушение партии, лишенной боееспособного руководства, либо устранение самого этого руководства.

Так и произошло. В августе 1991 года партия оказалась безоружной, неспособной противостоять развертыванию оголтелой кампании травли коммунистов и реставрации псевдодемократических, а по сути авторитарных порядков. Президент страны публично отказывается от выдвинувшей его на этот пост партии. Стало фактом парадоксальное явление – не руководитель оказался недостойным своей партии, а сама многомиллионная партия коммунистов была объявлена «недостойной своего лидера». То есть хотим мы того или нет, перед нами было предательство дела партии человеком, который был ей обязан всем своим существом и продвижением. Этим шагом был подписан приговор и самому президенту. Дни Горбачева на этом посту были сочтены.

* * *

Наверное, эти страницы покажутся читателю несколько абстрактными, изобилующими общими оценками. Где здесь мое личное отношение к событиям, – спросит он, – где воспоминания? Отвечу просто: я был не только участником всей этой большой общепартийной драмы. Драма партии была и моей личной драмой так же, как, думаю, и драмой миллионов коммунистов по всей стране.

До какой-то поры я был сторонником Горбачева. Мы нередко спорили, по-разному оценивали обстановку, но в целом курс на перестройку объединял нас. Газеты даже стали писать, что мы похожи на двух стоящих спина к спине бойцов, отбивающихся кулаками от нападающих слева и справа. В этом была доля правды. Для меня была в ряде случаев неприемлема ни сугубая ортодоксальность Лигачева, хотя в личном плане это глубоко честный и последовательный в отстаивании своих взглядов большевик. С другой стороны, для меня были совершенно неприемлемыми идеи десоциализации и капитализации советского общества, проповедуемые Яковлевым.

Но чем дальше в политике Горбачева социалистическая перестройка превращалась в антисоциалистическую, тем тяжелее становились мои отношения с президентом. Если раньше разница в наших оценках сложившейся ситуации не выплескивалась наружу, оставалась за кадром, то теперь даже газеты стали все чаще писать, что у Лукьянова «есть своя особая, противостоящая президенту позиция». Эта тема старательно муссировалась, малейшие расхождения утрировались и разжигались. По договоренности с Горбачевым мне пришлось даже давать ответ на эти выступления прессы в официальном заявлении, опубликованном 27 марта 1991 года. Президент, в свою очередь, отвел эти домыслы газет в одной из своих речей в парламенте.

Однако попытки прессы, либеральных и других сил про-

тивнопоставить Председателя Верховного Совета Президенту страны не только не ослабевали, а, наоборот, усиливались. Об этом мне не раз приходилось говорить с Горбачевым. В последний раз такой разговор состоялся у нас вечером 1 июля 1991 года. В ходе этой беседы я уже в который раз просил Президента согласиться с моим переходом на научную работу, поскольку, продолжая линию на налаживание диалога и взаимодействия различных политических сил в парламенте, я, разумеется, не мог отказаться от своих партийных коммунистических позиций, связанных с защитой социалистических устоев общества, с сохранением нашей федерации, с развитием советской реформы демократии.

В тот момент, когда в Москве и Ленинграде возникло движение демократических реформ, руководимое Яковлевым, Шеварднадзе, Собчаком и Поповым, в беседе с президентом мне пришлось напрямую спросить у Горбачева, правда ли, что он собирается примкнуть к этому движению, отойдя от руководства Коммунистической партии. Я сказал президенту: «Если среди приверженцев нашей партии останется, в конце концов, всего один человек, то этим человеком буду я». «Нет, – ответил Президент, – нас будет двое».

Беседа наша продолжалась в тот вечер около двух часов и касалась самых разных трудных вопросов жизни страны, включая и подготовку к июльскому Пленуму ЦК КПСС, на котором, по имевшимся тогда сведениям, могли быть острые выпады против Генерального секретаря. Поэтому я считал,

что на Пленуме стоило бы выступить Председателю Верховного Совета СССР, определив свое отношение к с либералам-рыночникам, сохранению Союза и взаимодействию парламента с президентской властью.

* * *

Выступая 26 июля 1991 года на Пленуме ЦК, я особо отметил недопустимость попыток мешать Верховному Совету СССР выполнять свои задачи по стабилизации обстановки в обществе и обеспечению конституционного характера проведения социально-экономических реформ. Одновременно я однозначно высказался против поворота общества к такому строю, где вообще не будет места социалистическим ценностям и общественной собственности, против тенденций к ослаблению социальной защиты трудящихся и прав человека, а также против стремления сепаратистов создать вместо обновленного Союза советских республик рыхлую и беспомощную структуру конфедерации или содружества, которые противоречат самому ходу экономической интеграции, происходящей во всем мире.

Пришлось предостеречь членов ЦК КПСС об имеющейся опасности ослабления позиций Советов и подмены их назначаемыми сверху администраторами. Я прямо сказал, что объявленная в те дни ельцинская программа департизации – это лишь часть общей кампании, направленной, по суще-

ству, против Советов, против партии, профсоюзов и других общественных организаций.

Отдельно говорилось тогда и о проблеме отношений президента с его партией и партии с президентом. Выступая на Пленуме, я сказал: «Давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять сегодня президента и что значит для президента потерять партию? Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для президента Горбачева потерять партию значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для партии же потерять президента значит утратить ключевую позицию в государственном руководстве, но не только. Это значит, уже сейчас дать возможность оппозиционным, в том числе уже властвующим, силам развернуть не просто травлю, а фактически погром партийных организаций».

Трагично, что это печальное предсказание стало реальностью. Хотя нашлись люди, которые увидели в этом моем выступлении призыв к путчу и замене Генерального секретаря ЦК КПСС. Показательна в этом отношении статья члена ЦК КПСС О. Лациса в «Известиях» от 31 декабря 1991 года. Он писал: «На пленуме открыто началась подготовка к тому, чтобы на предстоявшем в конце года съезде сместить Горбачева, отклонить его реформистскую программу и повернуть перестройку вспять. О подготовке военного переворота большинство участников пленума, очевидно, не знало, но

политический переворот в стиле 1964 года готовили вполне открыто. Самые нетерпеливые уже не хотели ждать декабря, требовали созвать съезд в сентябре. Судя по тому, как принял зал речь Лукьянова, они уже и преемника наметили. И Горбачев не в силах был сдержать волны злобы, произвольно прокатывавшейся по залу время от времени, когда звучали, например, требования расправиться с Александром Яковлевым или с ослушниками из независимой компартии Эстонии. Нет, конечно, это давно уже не была единая партия!»

Да, Лацис прав: единство партии было разрушено. Но чьи усилиями? Не самого ли президента и его радикального псевдосоциалистического окружения.

А разрушить партию – значило разрушить всю сложившуюся после Октября советскую политическую систему. И от этого вывода нам уйти просто некуда.

* * *

Вспоминая минувшее, конечно, не могу пройти мимо той роли, какую играли в то переломное время Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР. Именно с этим, как оказалось последним, периодом жизни союзных законодательных органов и была в основном связана моя работа с весны 1989 года.

Сказать об этом необходимо еще и потому, что до сих

пор подлинная роль парламента бывшего Союза искажается и, если можно так сказать, намеренно оглупляется нашей прессой, радио и телевидением. Каких только эпитетов не обрушивают они на голову ушедшего с политической сцены союзного парламента. Тут и «неаппетитная каша», и «странный мутант», и «кукольный театр», и «бой цирковых петухов». Бывший депутат И. Заславский договорился до того, что объявил союзный Съезд и Верховный Совет СССР, их депутатский корпус вообще «в большинстве своем состоящим из двурушников, сыгравших колоссальную роль в создании тяжкого положения страны». Они «сначала устраивали „одобрямс“ Горбачеву – Рыжкову, потом Горбачеву – Павлову, потом их собирал Лукьянов, чтобы обеспечить такой же „одобрямс“ и августовскому перевороту, да не успел». «Агрессивно-послушный», «штампующий чуждые народу решения», «прокоммунистический» парламент и так далее и тому подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.